

В. В. Тихонов

«Худший образчик преклонения перед
иностранщиной»: идеологические кампании
«позднего сталинизма» и судьба историка
С. А. Фейгиной

**Тихонов Виталий
Витальевич,**
кандидат
исторических наук,
научный сотрудник,
Центр
«Историческая
наука России»
Института
российской истории
РАН
(Москва)

Софья Ароновна Фейгина не входит в когорту классиков советской исторической литературы, хотя ее работы фундированы, и представляют несомненный интерес для современных историков. Это имя известно только узкому кругу специалистов по истории международных отношений времен Петра I. Исследователи истории исторической науки вспоминают ее в связи с разгромом сборника «Петр Великий» (М.; Л., 1947), в котором ей принадлежала статья о западноевропейской историографии петровских реформ. Книга оказалась в центре идеологических проработок во время борьбы с «буржуазным объективизмом». Имя Софьи Ароновны регулярно всплывало на страницах пропагандистских и научных изданий, на партийных собраниях и заседаниях Ученых советов. До и после этих событий ее биография в поле зрения профессиональных историографов практически не попадает, хотя историк отметилась крупной монографией и рядом интересных статей. Почему же судьба не самого крупного ученого, оказавшегося в маховике проработок, может представлять интерес? Ответ прост. Истории выдающихся исследователей, ставших жертвами идеологических кампаний, более или менее известны. Стало очевидным, что в их отношении, несмотря на все обвинения, гонители преследовали цель скорее запугать, чем устранить физически. Поэтому увольняли их крайне редко, иногда отправляли в почетную ссылку на менее важные должности и в менее престижные университеты — все-таки ценные кадры, которыми нельзя разбрасываться. Были, конечно, и другие примеры (Н. Л. Рубинштейн, С. Я. Лурье и т. д.), но это был крайний случай. А вот что стало с фигурантами менее значительными — часто остается под вопросом. Между тем, изучение их биографий в контексте

идеологических кампаний позволяет подробнее, зачастую по-новому, на микроуровне взглянуть на события.

Микроисторический ракурс нередко позволяет отказаться от сложившихся стереотипов, переосмыслить многие аспекты проблемы. В свое время подобный подход, получивший название «микроистория», концептуализировал К. Гинзбург, который считал, что история начинается с реконструкции индивидуальных случаев на основе следов в источниках¹. В центре такого исследования оказываются индивидуальные стратегии в конкретных жизненных ситуациях². В указанном смысле случай С. А. Фейгиной — идеальный предмет анализа.

В личном деле, сохранившемся в архиве Института российской истории РАН, можно обнаружить подробности ее биографии³. Она родилась 1 июля 1897 г. в Петербурге в еврейской семье. Ее отец был инженером, почетным гражданином города. В 1902 г. семья переехала в Москву, где Фейгина окончила с золотой медалью 7 классов женской гимназии, а в 1916 г. сдала на полный аттестат о среднем образовании в 4-й Московской мужской гимназии. В школе отличалась способностями к языкам. После поступила на Историко-филологический факультет Высших женских курсов. Большевицкая реформа высшего образования преобразовала курсы в полноценное учебное заведение, получившее название II-й Московский государственный университет, который Фейгина окончила в 1921 г. Во время учебы в непростое и насыщенное событиями время работала библиотекарем Московского студенческого кооператива, а также Инспектором детских учреждений Наркома просвещения.

Любопытный и немаловажный факт: родная сестра-близнец Софьи, Любовь, также студентка Высших женских курсов, состояла в студенческой фракции партии кадетов. В 1918 г., занимая пост секретаря Совета старост курсов, она вместе с товарищем председательницы Совета направила в ВЧК ходатайство об освобождении профессора А. А. Кизеветтера из Бутырской тюрьмы. В этом же году она подвергалась кратковременному аресту⁴. В дальнейшем она стала специалистом по истории международных отношений, автором классического исследования «Бьёркское соглашение» (М., 1929).

Дипломная работа на тему «Торговля Новгорода с Западом» была написана Софьей Ароновой под руководством С. В. Бахрушина, который рекомендовал способную ученицу в аспирантуру. Затем почти четыре года в анкете — пробел. Где могла находиться и работать молодая девушка — загадка. Активная научно-исследовательская деятельность отстывает на задний план. В 1925 г. она становится редактором иностранного отдела Центрального статистического управления, где числится с января по июнь, перейдя затем в Госплан СССР и задержавшись там до 1932 г. В Госплане занималась подготовкой аналитических записок об экономическом развитии европейских стран. В 1932–1941 гг. — сотрудник Народного комиссариата промышленности. При этом Фейгина не порывала с научными исследованиями: 19 июня 1939 г. она защитила в Московском институте философии, литературы и истории имени Н. Г. Чернышевского кандидатскую диссертацию по теме «Борьба Московского государства за выход

к балтийскому морю во II-й половине XVII века и роль в ней канцлера Ордина-Нащекина». Наконец, с сентября 1940 г. она — докторант Института истории АН СССР, где работает над диссертацией, посвященной внешней политике Петра I. Научным руководителем стал крупный специалист по источниковедению А. И. Андреев⁵. Возвращение в науку состоялось.

В годы войны Фейгина вела преподавательскую деятельность в 1941–1942 гг. в Техникуме резиновой промышленности, в 1943–1944 гг. — в Краснознаменной ордена Ленина Военной академии им. Фрунзе, «получила благодарность начальника Академии с занесением в трудовой список». «Вела активную общественную работу»⁶. В 1946 г. историка пригласили преподавать в престижный Московский институт международных отношений, где она проработала до 1949 г.

На фоне идущей в гору карьеры Софьи Ароновны дела у ее сестры явно не ладились. В самом начале войны ее — видимо, припомнив и кадетское прошлое, — 8 июля 1941 г. арестовали за «антисоветскую агитацию» и осудили на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Но уже в мае 1944 г. досрочно освободили⁷. Можно предположить, что наличие осужденного родственника компрометировало Софью Ароновну в глазах спецслужб и партии.

Тем не менее, в 1949 г. она становится сотрудником Института истории, где вскоре занимает должность секретаря группы по изучению эпохи Петра I. В 1947 г. Фейгина получила звание доцента, а 29 мая 1948 г. стала старшим научным сотрудником, хотя такую должность должен был занимать доктор наук, кандидатам это позволялось в исключительных случаях ввиду особых заслуг или сложности работы. Очевидно, что у Фейгиной был и влиятельные покровители в Институте: член-корреспондент АН СССР С. В. Бахрушин и А. И. Андреев.

Загруженность административными делами, трудности эвакуации Института в годы войны, а также сложность темы, которая требовала знания нескольких иностранных языков и работы с внушительным комплексом архивных документов, не позволили закончить диссертацию в срок. Несмотря на это, в институте Фейгину ценили. Давая отзыв о ее научной работе, С. В. Бахрушин отмечал: «Прекрасное знание иностранной литературы и источников и широкая эрудированность в русских архивных материалах позволяет считать С. А. Фейгину ценным специалистом в избранной ею области»⁸. Несмотря на все академические успехи, дальнейшая судьба историка оказалась связана с злополучным сборником «Петр Великий».

Книга готовилась в группе под руководством известного историка А. И. Андреева. Статьи формировались из докладов, прозвучавших на заседаниях группы. Основной текст был готов к концу 1945 г. 20 июля 1946 г. книга была подписана к печати. Сигнальный экземпляр был получен в феврале 1947 г., а 9 июня издание поступило в продажу⁹.

Тематика эпохи Петра I была в то время чрезвычайно актуальна. Общий крен советской идеологии в сторону патриотизма способствовал возрождению интереса к выдающимся государственным деятелям прошлого. Особенно возросло внимание к таким фигурам, как Иван Грозный и Петр Великий. Их жизнью и деятельностью живо интересовался сам Сталин,

любивший проводить параллели между ними и собой. Это неизбежно приводило к тому, что история их правления оказывалась под пристальным вниманием официальных идеологов. Таким образом, сложность написания такой работы, которая бы удовлетворила пропагандистов и при этом соответствовала строго научному подходу, была очевидна. Беда (и в то же время мужество авторов сборника) была в том, что они изначально поставили во главу угла строго научные принципы, отказавшись следовать за быстро меняющейся конъюнктурой. Статьи, посвященные в значительной степени частным проблемам, носили ярко выраженный конкретный характер, избегали широких обобщений. Тем не менее, именно этому сборнику суждено было оказаться в центре разворачивающейся кампании по борьбе с «объективизмом». И именно такая нарочитая конкретность и бесстрастность стала одной из причин критики. Фейгиной в сборнике принадлежала статья «Иностранная литература о Петре Великом за последнюю четверть века».

После разгромной рецензии военного историка А. А. Строкова¹⁰, в которой статья Фейгиной еще не затрагивалась, было собрано заседание сектора истории СССР до XIX в., где прошло обсуждение сборника. На заседании возникла попытка со стороны В. И. Лебедева подвергнуть критике и не отмеченную в рецензии статью С. А. Фейгиной. Несмотря на желание В. И. Лебедева разоблачить «политическую вредность» работы С. А. Фейгиной, остальные приняли сторону авторов сборника.

В 1948 г. до исторической науки докатилась кампания по борьбе «буржуазным объективизмом». В «Вопросах истории» была опубликована рецензия доцента МГУ Г. Н. Анпилогова на сборник «Петр Великий». Он писал: «Рецензируемый сборник нельзя признать вполне удачным, несмотря на наличие в нем отдельных статей, имеющих серьезное познавательное значение. Многие статьи имеют значительные недостатки, многие страдают отсутствием обобщений, а статьи А. И. Андреева и С. А. Фейгиной содержат серьезные принципиальные ошибки»¹¹. Последнюю рецензент обвинял в преклонении перед западной исторической наукой, найдя в ее статье как «преклонение перед иностранщиной», так и «объективистские» ошибки. «Статья С. А. Фейгиной наряду с полной методологической беспомощностью и аполитичностью, преподнесенных под маркой академического объективизма, является худшим образцом преклонения перед иностранщиной, перед буржуазной реакционной наукой»¹², — заключал автор.

В разгар кампании в «Литературной газете» вышла заметка А. Кротова, посвященная положению дел в Институте истории АН СССР. Касаясь «неудовлетворительного качества» печатной продукции Института истории, он среди прочих называл и «Петра Великого». Конкретно он коснулся работ А.И. Андреева и С.А. Фейгиной. Статья А. И. Андреева «Петр Великий в Англии в 1698 г.», по словам автора заметки, «фальсифицирует историю нашей родины, пропитана низкопоклонством перед иностранщиной». Причиной тому было то, что якобы в статье Петр I показан как ученик англичан. Далее утверждалось, что статья С. А. Фейгиной «Иностранная литература о Петре Великом за последнюю четверть века» «пропагандирует антинаучные взгляды».

ды буржуазных, в том числе и фашистских историков, обильно цитируя их грязную клевету на великий русский народ и приводя их лживые теории русского исторического процесса»¹³.

6 октября 1948 г. на сессии Отделения истории и философии и Отделения литературы и языка АН СССР, посвященной десятилетнему юбилею «Краткого курса», от историков выступила академик А. М. Панкратова. Кроме признания основополагающего значения этой книги, А. М. Панкратова значительное внимание уделила тому, что советская историческая наука находится в состоянии постоянной борьбы с немарксистской наукой. «Вся история развития советской исторической науки — это история борьбы марксизма с идеализмом и его пережитками»¹⁴, — говорила она. При этом она напомнила, что «никогда еще фальсификация истории в целях защиты империализма и его политики не принимала таких размеров, как в настоящий момент»¹⁵. Поэтому, с ее точки зрения, особенно вопиющими выглядели попытки некоторых советских историков потакать фальсификаторам истории. В качестве примера были названы А. И. Андреев и С. А. Фейгина, «которые не только не разоблачили подобного рода антисоветские тенденции в буржуазных исторических трудах, но фактически подняли их на щит»¹⁶. В чем же, с точки зрения выступавшей, заключалась их вина? «Развивая... мысль о том, что петровские преобразования были результатом не исторически сложившихся условий, правильно понятых Петром, а следствием заимствований и влияния высокой английской культуры, т. т. Фейгина и Андреев послушно следуют за своими буржуазными источниками»¹⁷. Причем Фейгина, по словам А. М. Панкратовой, в этом шла еще дальше, чем А. И. Андреев. Выступавшая упрекнула ее в том, что для нее научность заключается «в богатстве фактического и документального материала»¹⁸. Таким образом, Фейгина отступала от одного из главных постулатов советской исторической науки — примата принципа партийности над принципом объективности. На заседаниях, посвященных борьбе с «буржуазным объективизмом», проходивших в стенах Института истории, Фейгиной пришлось признать все критические замечания, высказанные в адрес ее работы. Особенно неприятным моментом стало то, что против нее был вынужден выступить ее учитель С. В. Бахрушин. Как руководитель сектора истории СССР до XIX в., в который и входила группа А. И. Андреева, он обязан был показать, что в его отделении идет беспощадная борьба с ошибками. Перед мэтром исторической науки стояла непростая задача: с одной стороны, от него требовалось признание ошибок, а с другой — он должен был покаяться таким образом, чтобы его покаяние еще больше не навредило уже раскритикованному, и при этом не задело тех, кто еще не попал под пристальное око контролирующих органов. В основном ему это удалось: он критиковал только уже умерших авторов, либо тех, кто был подвергнут разбору в опубликованных рецензиях.

Касательно А. И. Андреева выступавший не сказал ничего нового, лишь повторив то, что тот скатывается на идеалистическое понимание реформ Петра как заимствованных с Запада. Правда, здесь маститый историк находился в щекотливой ситуации, поскольку именно он дал положительную рецензию на статью о поездке Петра в Англию.

О статье Фейгиной было сказано более резко. С. В. Бахрушин обвинил ее в «немарксистском» подходе к критике работ зарубежных историков: «статья С. А. Фейгиной не только явилась в этом отношении слишком академичной, но поскольку она критиковала иностранных и враждебных нам писателей, результаты ее работы должны быть признаны резко вредными, поскольку такой академический подход к чужим и враждебным работам в значительной степени затушевывает ту политическую борьбу, которая скрывается за этими работами»¹⁹.

В декабрьском номере «Вопросов истории» вышла редакционная статья с говорящим названием «Против объективизма в исторической науке», где подводились итоги прошедшим обсуждениям. Трех авторов сборника, А. И. Андреева, С. А. Фейгину и Б.Б. Кафенгауза, обвинили в преклонении перед буржуазной исторической наукой. В статье, помимо всего прочего, писалось: «Грубейшие антимарксистские ошибки содержатся в ряде статей сборника “Петр Великий”... С. А. Фейгина вместо разоблачения зарубежной буржуазной литературы... стала выискивать в ней “ценное” и “полезное”, превратившись, таким образом, ...в апологета этой литературы... Некритическое отношение к источнику и к зарубежной литературе привело Андреева к извращению важнейших событий»²⁰.

И вот тут началась настоящая эпопея с участием Софьи Ароновны. Перед публикацией статьи в злополучном сборнике она готовилась защищать докторскую диссертацию по теме «Внешняя политика России в конце Северной войны. Аландский конгресс», но произошедшие события существенно осложнили ей эту задачу. В 1949 г. стартовала еще более агрессивная кампания по борьбе с «безродным космополитизмом». В особенности от нее пострадали деятели культуры и ученые европейского происхождения. 1 марта 1949 г., незадолго до погромных заседаний в МГУ, ЛГУ, Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) и Институте истории АН СССР, Фейгина была уволена из института «за допущенные методологические ошибки в научной работе и ввиду неутверждения ее президиумом АН СССР в должности старшего научного сотрудника»²¹. Когда основные погромы прошли и страсти немного утихли, Софья Ароновна вновь была взята директором Института истории Б. Д. Грековым на работу в июне 1949 г., но только на должность младшего научного сотрудника сектора истории СССР до XIX в. Очевидно, что не обошлось без заступничества Бахрушина. Впрочем, это вскоре аукнулось: в 1950 г. проходила проверка института, в отчете было указано, что дирекция берет на работу идейно сомнительных элементов²².

Еще одна напасть: в конце года была вновь арестована сестра Любовь, которую 17 февраля 1951 г. по постановлению МГБ приговорили к ссылке на 10 лет в Казахстан как «социально опасный элемент»²³. Только после XX съезда она была реабилитирована.

Тем не менее, Фейгину не уволили, даже более того, на следующий год состоялась долгожданная защита диссертации. Работа была готова уже к середине 1948 г., труд разросся до 1125 страниц, но С. В. Бахрушин, учитывая негативный резонанс от сборника «Петр Великий», предпочел выдержать паузу и не выводить Софью Ароновну на защиту.

Теперь, когда борьба против «буржуазных объективистов» и «безродных космополитов» несколько поутихла, а идеологи ринулись громить марризм, этим решили воспользоваться и провести защиту. Она состоялась 11 июня 1951 г. Одним из оппонентов выступил академик Е. В. Тарле, давший очень хороший отзыв, попеняв в нем только на недостаточное использование шведской литературы. Прекрасно понимая специфику времени, он подчеркнул: «Исследование Фейгиной сослужит науке большую службу, так как оно опровергает и обезвреживает столь характерные для историков Англии, Германии, Франции попытки преуменьшить роль и значение России уже в начале XVIII столетия»²⁴. Защита оказалась успешной: «...Работа прошла единогласно, с овациями»²⁵. В овациях была, видимо, и немалая доля моральной поддержки коллег за пережитые трудности. На следующий год Фейгина вновь была утверждена Президиумом АН СССР в качестве старшего научного сотрудника. Но все опять закончилось катастрофой.

В конце 1952 г. ВАК отказался утверждать докторскую степень. Под разными предложениями диссертацию перенаправляли на повторные рецензирования. Наконец, когда работу направили на отзыв к С. И. Архангельскому, за нее вступился Е. В. Тарле. Сохранилось его письмо, в котором он просит рецензента дать положительное заключение: «Работа Фейгиной — марксистская работа и ученая работа, и патриотическая работа... Все ошибки Фейгиной исправлены полностью...»²⁶ Но даже это не помогло.

Положение Софьи Ароновны осложнилось тем, что в качестве заместителя директора в Институте появился активный борец против «буржуазных объективистов» и «безродных космополитов» А. Л. Сидоров. Защитников у нее теперь не было: С. В. Бахрушин умер, А. И. Андреев переехал в Ленинград, директор Б. Д. Греков болел и находился при смерти. А вот А. Л. Сидоров обладал реальной властью. Для того чтобы показать свою решимость бороться за реализацию идеологических директив, он начал удалять из Института сотрудников, отмеченных критикой в ходе кампаний.

Под предлогом того, что Фейгина «обнаружила методологическую слабость и не дала ни одной ценной научной работы», ее было решено уволить в связи с сокращением объема работы в секторе. 11 апреля 1953 г. ей было сообщено об этом решении. 17 апреля Софья Ароновна подала в дирекцию заявление с просьбой продлить ее работу до 4 мая, а с 4 мая предоставить двухмесячный очередной отпуск, так как с июля 1953 г. она получает право на пенсию. Дирекция проявила гуманность: просьбу удовлетворили. Но Фейгина попыталась бороться. Она написала заявление в Президиум АН СССР, который вынужден был создать комиссию по выяснению обстоятельств дела. «Специально назначенная комиссия Президиума под председательством проф. В. О. Светлова рассматривала в присутствии С.А. Фейгиной ее заявление и признала необходимым согласиться с отчислением в связи с сокращением штатов»²⁷. Приказом № 201 Фейгина была отчислена из Института с 27 июля 1953 г. На этом в деле можно поставить точку. Фейгина впоследствии все-таки смогла вернуться в науку, издала монографию и ряд ценных статей. Но это уже другая история.

Что дает нам непростая и полная жизненных зигзагов биография Софьи Ароновны Фейгиной в понимании чрезвычайно запутанной истории идеологических кампаний послевоенного времени? Кроме всего прочего, перипетии неоднократных увольнений и возвращений Фейгиной позволяют сделать вывод о том, что критика, даже в центральных идеологических и научных органах печати, не обязательно приводила немедленно к изоляции даже не самого известного и выдающегося ученого, к тому же отягощенного порочащими родственными связями. В этих условиях начинали работать и другие механизмы, сформировавшиеся вне командно-административной системы: корпоративная солидарность, человеческие и деловые связи, поддержка известных историков и т. д. Они позволяли смягчить последствия гонений. Корпорация историков, во всяком случае, ее часть, причем очень авторитетная и влиятельная, не спешила выполнять требования идеологов, понимая, что неповоротливая бюрократическая система всегда даст новый шанс даже самой последней жертве.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ. Грант № 12-01-00264а.

---

¹ Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. М., 2000. С. 200.

² См.: Лейбович О. Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. М., 2008; Журавлев С. В. История повседневности — новая исследовательская программа для отечественной исторической науки // Людтке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 3–27.

³ Научный архив Института российской истории РАН (далее — НА ИРИ РАН). Ед. хр. 46. Личное дело С. А. Фейгиной.

⁴ Просим освободить из тюремного заключения. Письма в защиту репрессированных. М.: Современник, 1998. С. 20–21.

⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел Ю–811. Оп. 2 а. Д. 35. Л. 105.

⁶ Там же. Ед. хр. 46. Личное дело С. А. Фейгиной. Л. 35.

⁷ Просим освободить из тюремного заключения... С. 21.

⁸ НА ИРИ РАН. Ед. хр. 46. Личное дело С. А. Фейгиной. Л. 47.

⁹ Отчет о работе группы по изучению эпохи Петра Великого. 1947 г. // НА ИРИ РАН.

¹⁰ Строков А. О сборнике статей «Петр Великий» // Военная мысль. 1947. № 10. С. 84–87.

¹¹ Анпилов Г. Рец. на кн.: Петр Великий. Ч. I. Сб. ст. / Под ред. А. И. Андреева. М.; Л., 1947 // Вопросы истории. 1948. № 4. С. 120.

¹² Там же. С. 122.

¹³ Кротов А. Примиренчество и самоуспокоенность // Литературная газета. 1948. 9 сентября.

¹⁴ Архив Российской академии наук (далее — АРАН) Ф. 457. Оп. 1/48 г. Ед. хр. 105. Л. 88.

¹⁵ Там же. Л. 64.

¹⁶ Там же. Л. 68.

¹⁷ Там же. Л. 69.

- ¹⁸ Там же. Л. 71.
- ¹⁹ Архив Российской академии наук. Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 192. Л. 10.
- ²⁰ Против объективизма в исторической науке // Вопросы истории. 1948. № 12. С. 7.
- ²¹ НА ИРИ РАН. Ед. хр. 46. Личное дело С. А. Фейгиной. Л. 50.
- ²² Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 632 (А. Л. Сидорова). К. 80. Ед. хр. 5. Л. 31.
- ²³ Просим освободить из тюремного заключения... С. 21.
- ²⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел Ю–800. Оп. 1. Д. 24. Л. 14.
- ²⁵ Тарле Е. В. Письмо С. И. Архангельскому. 5 августа 1952 г. // Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1981. С. 267.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ НА ИРИ РАН. Ед. хр. 46. Личное дело С. А. Фейгиной. Л. 50.

Tikhonov V. V. “The worst example of foreignisms admiration”: “late Stalinism” ideological campaigns and the fate of the historian S. A. Feigina

ABSTRACT: The article deals with the fate of the historian S. A. Feigina in the years of ideological campaigns against “bourgeois objectivism” and “rootless cosmopolitanism”. Reconstruction process criticism of her work was made on the basis of archival and published documents. The strategies for behavior during exploratory design, coping mechanisms etc. were showed. The life story of S. A. Feigina concluded that the victim of criticism could use a variety of corporate mechanisms (help by influential patrons, corporate solidarity, etc.), allowing it to mitigate the effects of persecution.

KEYWORDS: S. A. Feigina, ideological campaigns, “late Stalinism”, a collection of “Peter the Great”, “bourgeois objectivism”, the fight against “cosmopolitanism”

REFERENCES:

- 1 *Ginzburg K. Sy'r i chervi. Kartina mira odnogo mel`nika, zhivshego v XVI veke. Moscow, 2000.*
- 2 *Lejbovich O. L. V gorode M. Ocherki social`noj povsednevnosti sovetskoj provincii. Moscow, 2008.*
- 3 *Zhuravlev S. V. Istoriya povsednevnosti — novaya issledovatel`skaya programma dlya otechestvennoj istoricheskoy nauki // Lüdtkе A. Istoriya povsednevnosti v Germanii. Novy'e podhody` k izucheniyu truda, vojny` i vlasti. Moscow, 2010.*
- 4 Russian History Institute Scientific Archive.
- 5 *Prosim osvobodit` iz tyuremnogo zaklyucheniya. Pis`ma v zashhitu repressirovanny'x. Moscow, 1998.*
- 6 *Strokov A. O sbornike statej «Petr Velikij» // Voennaya my`sl`. 1947. N 10.*
- 7 *Anpilogov G. Rec. na kn.: Petr Velikij. Ch. I. Sb. st. / Pod red. A. I. Andreeva. M.; L., 1947 // Voprosy` istorii. 1948. N 4.*
- 8 *Krotov A. Primirenchestvo i samospokoennost` // Literaturnaya gazeta. 1948. 9 September.*
- 9 Russian Sciences Academy Archive.
- 10 *Protiv ob`ektivizma v istoricheskoy nauke // Voprosy` istorii. 1948. N 12.*
- 11 Manuscript Department of Russian State Library.
- 12 *Tarle E. V. Pis`mo S. I. Arxangel`skomu. 5 avgusta 1952 g. // Iz literaturnogo naslediya akademika E. V. Tarle. Moscow, 1981.*